

В.А. Лекторский

Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма

Лекторский Владислав Александрович – доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: v.a.lektorski@gmail.com

Автор обосновывает тезис о том, что реализм и конструктивизм в эпистемологии несовместимы. Показывается, что с точки зрения конструктивизма нельзя понять структуру и динамику научной теории, что популярный сегодня в когнитивной науке энактивизм свидетельствует в пользу эпистемологического реализма (вопреки некоторым интерпретациям). Обсуждается также проблема виртуальной реальности и «пост-правды». В статье утверждается идея о перспективности позиции конструктивного (деятельностного) реализма как стратегии исследований в области эпистемологии, философии науки, когнитивной науки и социальных наук.

Ключевые слова: реализм, конструктивизм, деятельность, энактивизм, виртуальная реальность

На вынесенный в заглавие нашего обсуждения вопрос отвечу сразу: выйти за пределы оппозиции реализма и конструктивизма в эпистемологии нельзя. Эпистемологический реализм и конструктивизм исключают друг друга. Согласно реализму познаваемые объекты существуют независимо от познания. В соответствии с конструктивизмом (как видом эпистемологического антиреализма) познаваемые объекты создаются самим познающим субъектом и существуют в рамках либо индивидуального сознания, либо интересубъективной знаковой (языковой) системы. Другое дело, что в конструктивистских концепциях было обращено внимание на такие факты познания и сознания, которые в самом деле важны для понимания познавательной деятельности вообще и научного познания в частности, особенно в науках о человеке. Мне представляется, что современный эпистемологический реализм может успешно учесть эти факты, давая им свою интерпретацию. В этом случае реализм приобретает новую форму, поскольку по-новому понимает как реальность, так и конструкцию. Такой реализм я назвал конструктивным (деятельностным) реализмом. Об этом мне приходилось писать не один раз [Лекторский, 2009; Lektorsky, 2017].

Иногда говорят о том, что конструктивизм и реализм не могут противостоять друг другу, т. к. первый говорит о познавательных действиях субъекта, а второй – о характере познаваемой им реальности. С этой точки зрения, первая

концепция относится к эпистемологии, а вторая – к онтологии. Но подобное представление об этом интенсивно идущем сегодня споре совершенно неверно. В действительности речь идет о проблематике эпистемологии (и философии науки как ее части): имеет ли познание дело с внешней ему реальностью или же оно само творит познаваемые объекты. Как я попытаюсь показать, в этой дискуссии не только дается интерпретация познания – то или иное понимание познания (как обыденного, так и научного) определяет возможные и невозможные познавательные действия.

Сейчас я хочу подчеркнуть, что оппозиция эпистемологического реализма и конструктивизма касается только понимания характера познания в его отношении к миру. Она никоим образом не означает, что реализм отрицает тот принципиальный факт, что человек творит новую реальность: трансформирует природное окружение, создает язык, города, жилища, социальные системы, культуру, искусство, орудия труда, мир техники, научные приборы и теории. Сотворенный человеком искусственный мир меняет его самого – не только сознание, но даже мозг. Каждый поступок изменяет окружающий мир, но также меняет и самого человека. Сегодня искусственный мир колоссально умножился, включив в себя Интернет и другие формы виртуальной реальности. Но из этих фактов вовсе не следует вывод о правоте эпистемологического конструктивизма. Дело в том, что созданный человеком мир в определенном смысле отделяется от своего творца и начинает жить по собственным законам. Каковы эти законы, создателю этого мира зачастую неизвестно. Для человека, пытающегося понять искусственный мир, он выступает как познаваемый предмет, независимый от познания. Поэтому приходится строить разные теории о предметах этого мира (языке, математических объектах, социальных институтах, экономических системах, машинах и т. д.), сопоставлять полученные теории с фактами этого мира, искать лучшую теорию, и последнее оказывается отнюдь не более легким занятием, чем в случае наук о природе.

Вообще реальность отличается той особенностью, что, будучи независимой от познания, она заставляет с ней считаться (как выразился один современный мыслитель, «дает сдачу» моим необдуманым действиям). Мои желания и намерения зависят от меня самого, но, чтобы их реализовать, я вынужден учитывать то, что не зависит от моих планов: принимать во внимание, что эта среда допускает в качестве возможных изменений и что она категорически запрещает с ней делать. А это значит, что любое действие в мире для того, чтобы быть успешным, должно опираться на познание характеристик независимой от познания реальности.

Научная теория – это конструкция ученого. Однако цель такой теории – давать истинное знание о реальности. Для этого теорию нужно сопоставлять с фактами, репрезентирующими познаваемую реальность. И теория может оказаться хорошей или плохой, успешной или нет. В эксперименте исследователь встречает сопротивление исследуемых объектов и может столкнуться с совершенно неожиданными результатами. При построении теории вводятся два типа ненаблюдаемых объектов. Предполагается, что некоторые из них имеют реальных референтов (атом, элементарные частицы и т. д.). Другие не имеют таких референтов и представляют собой идеализированные теоретические объекты, постулируемые ради удобства расчетов и формулирования идеализи-

рованных моделей (точечная масса, идеально твердое тело, центр гравитации и т. д.). Знания можно получать только о реально существующих объектах, и знания могут расти, при этом в чем-то изменяться, обнаруживая свою неполноту или даже ошибочность в некоторых отношениях, как происходит в случае познания любых объектов. Поэтому меняются наши знания о таких объектах, как атом и элементарные частицы. Что же касается идеализированных теоретических объектов, то о них невозможно получить новое знание, их содержание жестко зафиксировано самим актом их конструирования. Эпистемологический конструктивизм, пытающийся приравнять все теоретические объекты к чистым конструкциям теоретика, не имеющим отношения к независимой от познания реальности, не может объяснить разность поведения исследователя в отношении двух типов теоретических объектов и вообще характер развития теоретического знания.

Европейская философия почти в течение трехсот лет развивалась под знаком субъективизма. Начало было положено идеей Декарта о том, что единственно неоспоримым может быть только знание субъекта о себе самом и о своем сознании. Эта идея варьировалась, в чем-то изменялась, приобрела форму трансцендентализма в философии Канта и Гуссерля, у Маха превратилась в понимание знания как упорядочивания ощущений. В аналитической философии эта же принципиальная установка выразилась в лингвоцентризме: мир существует только в языке и в языковых коммуникациях, говорить о существовании чего бы то ни было вне того или иного языкового каркаса бессмысленно. В наши дни субъективистская установка приобрела характер эпистемологического конструктивизма: радикального конструктивизма Х. фон Ферстера и Э. фон Глазарсфельда, социального конструкционизма К. Гургена и др. В этой связи хочу заметить, что в случае принятия конструктивистской эпистемологической позиции речь идет не только об истолковании познавательной деятельности, но также и о стратегии ее развития. Например, с точки зрения социального конструкционизма ни настоящий эксперимент, ни подлинная теория невозможны в социальной психологии и других науках о человеке, поскольку в этих науках между исследователем и исследуемым якобы возникают особые коммуникационные отношения, создающие новую реальность и творящие такие качества исследуемого человека, которые существуют только в рамках этого взаимодействия, но не вне его. Если принять эту позицию, то нужно признать, что многие науки о человеке – это не науки, а своеобразные практические способы создания новых человеческих личностей. Теоретики социального конструкционизма так и считают. Поэтому принятие либо конструктивистской, либо реалистической эпистемологической позиции – это не только разные способы понимания познания, но также и разные программы научной деятельности, в частности и в особенности в науках о человеке.

Иногда высказывается мнение, согласно которому популярный сегодня в когнитивной науке так называемый энктивистский подход свидетельствует в пользу эпистемологического конструктивизма. Я считаю, что дело обстоит как раз наоборот. Смысл энктивизма заключается в том, что когнитивный агент (необязательно человек) не является пассивным приемником информации, а извлекает ее из внешней среды своими действиями. Человек при этом может использовать созданные им искусственные предметы: орудия труда, приборы,

теории и т. д. Но речь идет о том, что информация не творится, не конструируется, а именно извлекается. Извлечь можно только то, что уже есть. Как подчеркивал один из авторов этого подхода, известный психолог Д. Гибсон, информация не «дается» и не «конструируется», а «берется» [Гибсон, 1988]. Это означает, с одной стороны, что информация уже имела в мире до того, как ее «взяли» (Гибсон пишет о том, что информация об окружающем мире существует даже тогда, когда нет ни одного когнитивного агента), а с другой стороны, что познающее существо должно «взять» эту информацию при помощи своих активных действий в самом мире, таких действий, которые включают трансформацию окружения. Это и есть позиция конструктивного (деятельностного) реализма, которую я защищаю. Поэтому крупнейшие теоретики энактивизма в когнитивной науке – Д. Гибсон, Э. Кларк, А. Ноэ и др. – придерживаются именно реалистической эпистемологии [Gibson, 1967; Clark, 1997; Noe, 2004].

Вообще сегодня в мировой философии и науке идет процесс отхода от доминировавшего несколько столетий субъективизма, имеет место то, что можно назвать «реалистическим поворотом». Метафизическая проблематика снова в чести. В философии науки большое внимание привлекают концепции научного реализма (структурного и референциального). В логической семантике популярны реалистические теории. В физике становятся влиятельными реалистические интерпретации квантовой механики, многие исследователи интересуются философскими метафизическими идеями (физический факультет МГУ издает журнал «Метафизика»). В интенсивно развивающейся когнитивной науке большинство теоретиков разделяют позицию эпистемологического реализма.

В этой связи скажу два слова о роли виртуальной реальности в нашей современной жизни. Мы все живем в этой реальности, после появления телевидения, Интернета и сотовой связи она проникает всюду и во многом определяет нашу жизнь. Это создает огромные возможности для человеческого развития, но одновременно порождает новые проблемы. Я имею в виду трудность, а иногда и невозможность для человека интегрировать льющиеся на него потоки разнообразной информации, которая к тому же нередко взаимопротиворечива, а часто является вообще не информацией, а дезинформацией. Не так давно западные журналисты придумали термин «пост-правда» для обозначения фабрикации таких сообщений, в которых крупницы правды перемешаны с массой сознательной лжи. «Пост-правда», которой нас окружают и которая используется в активно ведущихся информационных (дезинформационных) войнах, – это способ манипуляции человеком. Автономная личность, которая сама отвечает за свои поступки, нуждается именно в правде, в истине, в получении знания о реальности, о том, что происходит на самом деле. Разговоры о том, что все в мире сконструировано, что никто не знает, что имеет место на самом деле, и что нельзя прорваться за пределы «пост-правды» к самой правде, – это способ дезориентировать человека и заблокировать его социальную активность. На самом деле есть возможности оценивать информацию с точки зрения ее правдивости и надежности. Если бы дело обстояло иначе, мы были бы обречены на полную деградацию человека. Таким образом, эпистемологический реализм обнаруживает также и важный социальный смысл.

Я считаю, что будущее за конструктивным (деятельностным) реализмом как за современной формой эпистемологического реализма.

Список литературы

- Гибсон, 1988 – *Гибсон Дж.* Экологический подход к теории зрительного восприятия. М.: Прогресс, 1988. 464 с.
- Лекторский, 2009 – *Лекторский В.А.* Реализм, анти-реализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Под ред. В.А. Лекторского. М.: Канон +, 2009. С. 5–40.
- Clark, 1997 – *Clark A.* Being There. Putting Brain, Body and World Together Again. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. 269 p.
- Gibson, 1967 – *Gibson J.* New Reasons for Realism // *Synthese*. 1967. Vol. 17. No. 2. P. 162–172.
- Lektorsky, 2017 – *Lektorsky V.A.* Realism as the Methodological Strategy in the Cognitive Science // *Varieties of Scientific Realism. Objectivity and Truth in Science* / Ed. by E. Agazzi. Cham: Springer, 2017. P. 353–366.
- Noe, 2004 – *Noe A.* Action in Perception. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. 296 p.

Constructive realism as the contemporary form of epistemological realism

Vladislav A. Lektorsky

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: v.a.lektorski@gmail.com

It is shown that it is impossible to go beyond the opposition of realism and constructivism in epistemology. One cannot understand the structure and the development of the scientific theory from the constructivist point of view. The enactivist approach, popular in the current cognitive science, suggests epistemological realism (contrary to some interpretations). The problems of virtual reality and “post-truth” are also discussed in the article. The author substantiates the idea that the position of constructive (active) realism is promising as a research strategy in epistemology, philosophy of science, cognitive science and social studies.

Keywords: realism, constructivism, activity, enactivism, virtual reality

References

- Clark, A. *Being There. Putting Brain, Body and World Together Again*. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. 269 pp.
- Gibson, D. *Ekologichesky podhod k teorii zritel'nogo vospriyatija* [Ecological approach to the theory of visual perception]. Moscow: Progress Publ., 1988. 464 pp. (In Russian)
- Gibson, J. “New Reasons for Realism”, *Synthese*, 1967, vol. 17, no. 2, pp. 162–172.
- Lektorsky, V. A. “Realism, anti-realism, constructivism i konstruktivnyy realizm v sovremennoy epistemologii i nauke” [Realism, anti-realism, constructivism and constructive realism in contemporary epistemology and science], in: *Konstruktivistskii podhod v epistemologii i naukah o cheloveke*, ed. V.A. Lektorsky. Moscow: Kanon + Publ., 2009, pp. 5–40. (In Russian)
- Lektorsky, V. A. “Realism as the Methodological Strategy in the Cognitive Science”, in: *Varieties of Scientific Realism. Objectivity and Truth in Science*, ed. by E. Agazzi. Cham: Springer, 2017, pp. 353–366.
- Noe, A. *Action in Perception*. Cambridge, MA: MIT Press, 2004. 296 pp.